

Секция «Политические и социально-экономические процессы на евразийском пространстве»

**Геополитическая конкуренция Китая, России и Турции в Центральной Азии:
динамическое равновесие и новая игра**

Научный руководитель – Почта Юрий Михайлович

Жуйлинъ Сюй

Аспирант

Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук,
Москва, Россия

E-mail: kilig_169169@qq.com

Центральная Азия, являющаяся стратегическим узлом Евразийского континента, превращается в ключевую арену геополитического соперничества Китая, России и Турции. На основе анализа последних событий в статье исследуется конкуренция и сотрудничество трёх стран в экономической, военно-политической и культурной сферах, раскрывая трансформацию региональной структуры власти от «доминирования России» к тенденции «многополярного баланса». Исследование показывает, что Россия сохраняет влияние через военные союзы, но её экономическое лидерство ослабевает из-за проектов Китая в рамках «Одного пояса, одного пути» и вмешательства Турции через Транскаспийский транспортный коридор. Турция, в свою очередь, расширяет присутствие посредством пан-тюркизма и «мягкой силы», формируя многомерную конкуренцию в энергетике, цифровой инфраструктуре и исторических нарративах. При этом страны Центральной Азии активно формируют региональные правила через многовекторную дипломатию и продвигают механизмы локальной интеграции.

Теоретическая и методологическая основа исследования представлена работами ведущих российских, китайских и западных авторов, объясняющих вопросы в статье с позиций классической геополитической теории (теории «сердцы» мира Макиндера), неоклассического реализма, теории взаимозависимости, теории столкновения цивилизаций.

Состояние историографии: 1. Акцент на двусторонних отношениях (например, Россия–ЦА, Китай–ЦА) с игнорированием роли Турции. 2. Преобладание анализа военно-политических аспектов над экономическими и культурными. 3. Отсутствие комплексных исследований трёхстороннего взаимодействия Китая, России и Турции в контексте посткризисной переконфигурации 2022 года.

Научная новизна исследования состоит в следующем: 1. Введение концепции “конкурентного мультиалианса” для описания отношений Китай–Россия–Турция. 2. Междисциплинарный анализ, объединяющий энергетическую безопасность, цифровизацию и историческую память. Акцент на роли малых государств (Казахстан, Узбекистан) как активных архитекторов баланса сил.

Ход и результаты исследования:

1. Центральная Азия переходит от “биполярности” (Россия–Китай) к “многомерной конкуренции” с участием Турции.

2. Стратегии трёх держав демонстрируют асимметричную взаимозависимость:

- Конкуренция и сотрудничество в экономической сфере: Богатые энергетические ресурсы и стратегическое положение Центральной Азии делают её ключевой ареной экономического соперничества трех стран.[1]Китай и Россия потенциально конкурируют в области ценообразования на энергоносители и транспортных маршрутов, но имеют взаимодополняющие механизмы в рамках ШОС; Турция и Китай сформировали «трехстороннюю

игру» в строительстве транспортных узлов, а страны Центральной Азии воспользовались возможностью привлечь диверсифицированные инвестиции, чтобы сбалансировать риски.

- Перестройка власти в сфере безопасности: Безопасность остается ключевым инструментом влияния, но подходы трех стран различаются. Россия делает упор на «жесткую безопасность». Через ОДКБ Россия сохраняет военное присутствие и усиливает совместные учения после украинского кризиса. Однако Казахстан и другие страны осторожно относятся к «связыванию безопасности».[2] Китай уделяет особое внимание сотрудничеству в области «нетрадиционной безопасности». ШОС фокусируется на борьбе с терроризмом и кибербезопасности. Китай предоставляет технологии, избегая прямой военной вовлеченности.[4] Турция поставляет беспилотники и вмешивается в Карабахский конфликт, но её поддержка талибов вызывает опасения относительно радикального ислама.[5] Традиционное доминирование России сталкивается с асимметричными вызовами, а Центральная Азия страхует свои риски с помощью многосторонних форматов в сфере безопасности.[3]

- Конкуренция нарративов мягкой силы: Культурная идентичность и ценности становятся скрытым полем битвы. Культурные стратегии трех стран отражают различия в цивилизационных перспективах: Китай делает упор на «плюрализм и толерантность», Россия опирается на «историческую инерцию», Турция делает акцент на «этнических и религиозных связях», а страны Центральной Азии избирательно относятся к принятию, чтобы сохранить свою местную идентичность.

3. Устойчивость системы зависит от способности региональных элит манипулировать противоречиями великих держав.

Выводы:

Конкуренция Китая, России и Турции в Центральной Азии носит «многослойный» характер: экономические интересы формируют сети, безопасность переопределяет зоны влияния, а культурные нарративы борются за легитимность. Страны Центральной Азии, используя «дипломатию малых государств», движутся к многополярному равновесию.

Соперничество трех держав отражает глубинные противоречия между "сухопутной властью" и "властью над транспортными коридорами", "традиционной безопасностью" и "безопасностью развития", а Центральная Азия становится "буферной зоной" для снятия множественных противоречий.

Источники и литература

- 1 Комов М.С. Транспортно-транзитный потенциал региона как важнейший фактор его экономического развития // Вестник евразийской науки. 2018(5)
- 2 Хейфеи Б.А., Чернова В.Ю. Новый взгляд на стратегию экономической интеграции России со странами Центральной Азии в современных геополитических реалиях мировой экономики // Россия вчера, сегодня, завтра, 2024(1)
- 3 Starr F S, Svante E. Cornell., eds. Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents M. Washington, DC: Central Asia -Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2014
- 4 Du Donghui. An Exploration of Turkey's Central Asia Policy in the Perspective of Composite Identity Politics // Forum of World Economics & Politics, 2024(2)
- 5 Xue Ruikai. Chinese and Russian Policies in Central Asia in Comparative Perspective: Current Situation and Cooperation Concepts. // Jingchu Academic Journal, 2025, 26(1)